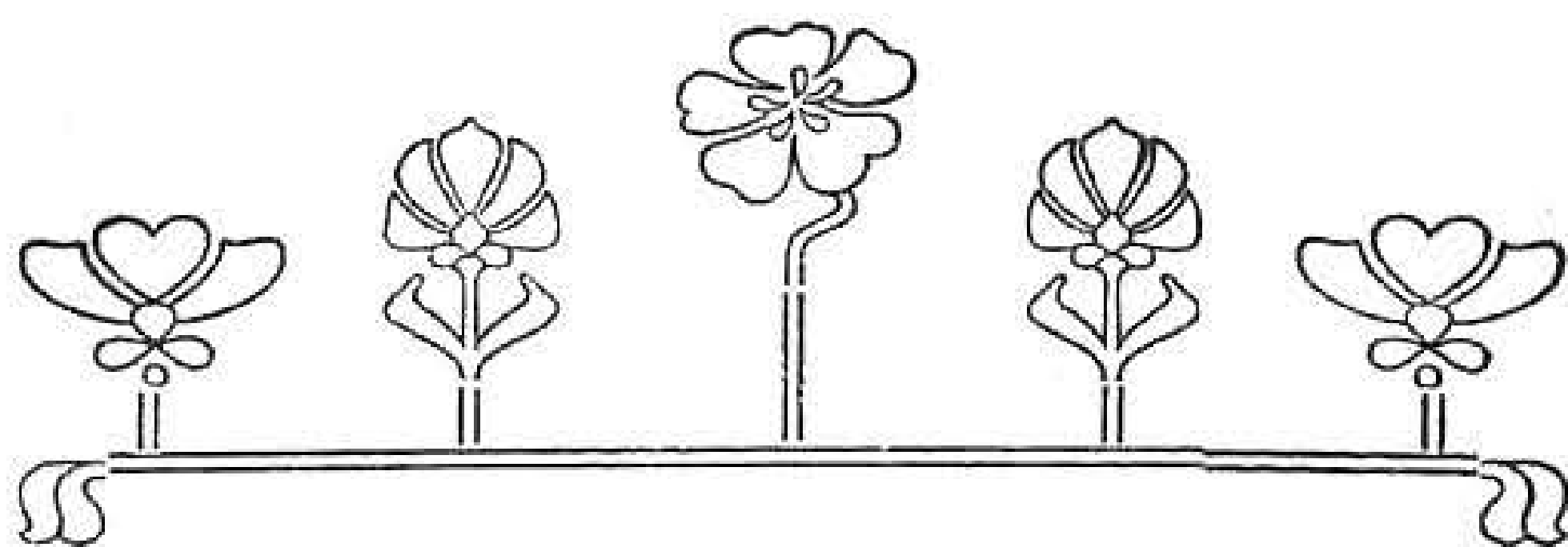

Суббота, 19 Марта 1911 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 1346.

Экзаменаціонные спектакли въ Александринскомъ театрѣ.

Въ четвергъ состоялся шестой спектакль г. Долинова. Признаюсь, я шелъ на него съ нѣкоторой тревогой: всѣ исполнители уже знакомы, ихъ способности опредѣлились, между ними и зрительнымъ заломъ установилась дружественная связь, отъ нѣкоторыхъ даже прямо ждешь чего-то пріятнаго, могущаго доставить удовольствіе, и вдругъ на этомъ шестомъ спектаклѣ... «Чайка» Чехова!.. Что-то будетъ!.. Я думаю, участвовавшіе волновались въ этотъ вечеръ больше, чѣмъ когда-либо раньше. Тутъ ужъ не какая-нибудь тамъ „Кручина“ или „Цѣна жизни“, здѣсь Чеховъ, цѣлое событіе въ исторіи русскаго театра, оригинальный, рѣшительно ни на кого не похожій, безконечно тонкій сценический писатель, и чтобы почувствовать его, всей человѣческой душой почувствовать его поэзію, нуженъ трепетъ какихъ-то особенныхъ струнъ, протянутыхъ въ душѣ исполнителя, безъ чего онъ со всей своей актерской техникой не въ состояніи будетъ даже приблизительно воплотить замысль художника. Эти молчаливыя переживанія, эти затаенныя страданія, эти стоны души, то подавленные, то звучащіе крикомъ раненаго звѣря, эта безконечная неудовлетворенность жизнью, отсутствіе яркихъ красокъ, сумеречное существованіе,—какая нужна выдержка, какое взаимное проникновеніе другъ другомъ въ лицѣ автора и актера, чтобы воплотить все это на сценѣ съ той художественной простотой, которая свѣтится въ каждой строкѣ чеховской „Чайки“... Естественно, что этотъ спектакль долженъ былъ вызвать наибольшее волненіе у исполнителей и наибольшія опасенія въ зрительномъ залѣ.

Къ сожалѣнію, опасенія оправдались. «Чайка» не была сыграна, какъ должно, и справедливость требуетъ признать, что она и не могла быть сыграна. Для полученія необходимаго результата въ данномъ случаѣ необходима наличность вполне зрѣлыхъ талантовъ и такой подборъ исполнителей, чтобы вышелъ идеальный ансамбль, изъ котораго только и родится на сценѣ духъ

Чеховской поэзіи и острота душевныхъ переживаній. Ну, гдѣ же это дать ученикамъ! Поэтому соображенія объ ансамблѣ приходится оставить, и разсматривать лишь то, поскольку каждый изъ экзаменуемыхъ, взятый отдѣльно, можетъ овладѣвать настроеніями Чехова. Таковыхъ окажется не много. Вполнѣ удовлетворяетъ ученица Никаръ-Нина Зарѣчная. Я очень радъ, что второе появленіе ея въ отвѣтственной роли совершенно подтверждаетъ мое первое впечатлѣніе: очень интересная индивидуальность съ большимъ внутреннимъ содержаніемъ. Мнѣ изъ за этой ученицы порядочно таки пришлось поспорить. Всячески старались меня увѣрить, что настоящаго таланта у нея нѣтъ, а все, что она показываетъ, только дѣланное. Неправда!.. Ничего искусственнаго въ ученицѣ Никаръ я не нахожу. Напротивъ! Съ искусственностью невозможно подойти къ Чехову, немислимо сыграть Нину Зарѣчную, а Никаръ ее сыграла хорошо, давъ вполнѣ опредѣленный образъ и прекрасно оттънивъ разницу между Ниной первыхъ трехъ дѣйствій и Ниной четвертаго. Во всемъ исполненіи было именно много простоты и ясности. Каждое слово, вдумчиво произносимое Никаръ, совершенно соответствовало тѣмъ переживаніямъ, которыя происходили въ душѣ Зарѣчной, видно было, что артистка много поработала надъ ролью, до мельчайшихъ подробностей вдумалась въ ея психологию и сумѣла найти вѣрныя мягкія краски для ея воплощенія. Она была такая радостная, чистая, наивная, беззавѣтно влекущая къ счастью въ началѣ, и такая усталая, измученная въ послѣднемъ актѣ... И слезы ея, искреннія, горькія слезы трогали, навѣвали грусть, и чувствовалась вся бездна пережитаго страданія, отъ котораго впору разорваться сердцу... И хотя въ ухо очень явственно вливается акцентъ, но все же скажу, что лучше актриса съ акцентомъ и съ талантомъ Никаръ, чѣмъ служительница Мельпомены съ идеальнымъ произношеніемъ, но безъ всякаго таланта.

Болѣе другихъ въ тонѣ пьесы оказалась еще ученица Прокофьева-Мессингъ, обстоятельство крайне неожиданное, потому что до сихъ поръ мы привыкли видѣть ее въ роляхъ комическихъ. А тутъ она сыграла Машу очень законченно, обрисовавъ вполнѣ отчетливо чисто чеховскій образъ необыкновенно грустнаго существа. Ученица Ростова роли Аркадиной не выдвинула. Ея игра, я бы сказалъ, была очень корректная, но неглубокая и холодная.

Что же касается мужчинъ, то нѣсколько удачныхъ интонацій проскользнуло у Низковскаго-Тригорина, были искренніе моменты въ игрѣ Прокофьева—Треплева и совсѣмъ хорошимъ Медвѣденко вышелъ Лешковъ. Этими замѣчаніями, къ сожалѣнію, только и приходится ограничиться.

Послѣ „Чайки“—разыграны были двѣ сцены изъ „Преступленія и наказанія“. Лешковъ явилъ

ся интереснымъ Раскольниковымъ, какъ по чрезвычайной характерности грима, такъ и по нервности исполненія. А Порфирій Петровичъ не удался Миклаеву.

Зигфридъ.

